

СОФЬЯ ГЛАДЫШЕВА

ветеран Великой Отечественной войны

“НО БОЛЬ МОЯ ОСТРЕЙ ДЕНЬ ОТО ДНЯ...”

(Война в поэзии А. Передреева)

Поклонимся великим тем годам...

М. ЛЬВОВ

Война воспринималась поэтом особенно остро, болезненно, поскольку и его семья, и он сам, будучи мальчишкой, пережили в полной мере её жестокость. Впечатления военного лихолетья он хранил в памяти до последних своих дней, и время от времени они оживали под его пером.

У будущего поэта было четверо старших братьев: Виктор, Михаил, Александр, Илья. Когда на всю страну разнеслась страшная весть: “Война!”, все они, один за другим, встали в ряды защитников Родины. И одно за другим пришло в дом три известия: “убиты братья на большой войне”:

*Один упал
Под снежною Москвой,
Другой —
На сталинградской мостовой,
А третий пал
К Берлину на пути...
И каждый
Не дожил до двадцати.*

Глубокая сердечная травма не только не затягивалась со временем, а, напротив, лишь усиливалась:

*Идут года.
Давно за двадцать мне.
Но боль моя
Острее день ото дня —
Три старших брата было у меня.*

Строка “Три старших брата было у меня” повторяется в стихах трижды. И каждый раз под пером поэта она приобретает иное содержание, иной — всё

бóльший и бóльший – эмоциональный накал, усиливая тем самым драматизм случившегося.

Скорбная память о погибших навсегда осталась и в родных стенах (“Отчий дом”):

*В чёрных рамках —
Братьев старших лица
На белёных
Глиняных стенах...
Не скрипят,
Не гнутса половицы,
Навсегда
Забыв об их шагах...*

Глубоко верующая мать искала утешения в долгих вечерних молитвах, и на них отзывался будущий поэт:

*Ночной ее вздох —
 не услышит
Никто его, кроме меня!
Лишь сердце моё шевельнётся,
Сожмётся во мраке больней...
Никто
 никогда не вернётся
С кровавых и мёртвых полей!*

Только в сновидениях матери возвращаются живыми в родной дом её погибшие сыновья. Об этом одно из самых проникновенных, волнующих стихотворений Передреева о войне – “Сон матери”:

*...И входят в дом
Её живые дети,
Встают над нею
Три богатыря.
Они встают,
Какими их навечно,
На каждый час запомнила она,
И нету сил,
Чтоб кинуться навстречу,
Дыхания,
Чтоб крикнуть имена.*

Поразительные, трепетные строки! Сколько в них, как и в стихах о материнских молитвах, сыновней внимательности, сердечности, трогательной нежности! Ведь всего лишь несколькими штрихами создаёт поэт впечатляющую картину: три богатыря (а такими были все братья Передреевы), возвышающиеся над постаревшей, надломленной горем матерью!

Драматично сложилась фронтовая судьба Михаила. Выпускник военного училища, лейтенант, он начал войну командиром бронепоезда. С отрядом бойцов попал в плен. Потом был госпиталь, три операции, ампутация ног. Изменившимся до неузнаваемости, казалось бы, беспомощным инвалидом вернулся Михаил в родной саманный домик на окраине Грозного. Но не такой была семья Передреевых, чтобы сдаваться даже очень тяжёлым ударам судьбы. Михаил освоил сапожническое ремесло, женился, стал отцом. Пользуясь протезами, смог даже ездить на мотоцикле.

Михаила Константиновича я видела на похоронах Анатолия. У гроба стоял высокий, статный, сохранивший голубизну глаз и в преклонном возрасте, так много переживший мужчина. По его щекам медленно скатывались крупные слёзы...

Поэт посвятил Михаилу стихи “Четвёртый брат”. Их впервые опубликовала “Литературная газета” ещё в 1959 году. Однако в первые сборники поэта “Судьба” и “Равнина” они не были включены. Возможно, потому, что, по словам поэта, Михаил возражал против их публикации, не желая, видимо, привлекать внимание к себе, к своей инвалидности, словно стыдясь её. Наверное, по этой же причине стихи печатались затем под другим названием — “Баллада о безногом сапожнике”. Лишив стихи “родственности”, поэт придал им большую обобщённость, отразил в них многочисленные подобные судьбы. Однако содержание стихов посвящено не столько извилистым фронтовым дорогам брата с их смертоносными ухабами и рытвинами, сколько раздумьям об исковерканной войной судьбе совсем ещё молодого человека, не чаявшего о военном будущем юного романтика:

*Когда он
 в футбол выбегал играть,
Гудела земля,
 как колокол...
Конечно,
 поэтом мечтал он стать,
Конечно, мечтал —
 геологом.*

Но по-другому распорядилось беспощадное время:

*Стучит,
 стучит,
 стучит молоток,
Сидит безногий сапожник.
Сидит
 в зелёной будке своей,
В фанерной,
 пропахшей кожей,
А мимо
 течёт вереница дней,
Течёт
 вереница прохожих.*

Поэту Михаилу Луконину принадлежат стихи “Приду к тебе”, которые завершаются словами: “Лучше прийти с пустым рукавом, чем с пустой душой”. По поводу этих слов у Передреева с их автором состоялся весьма непростой разговор.

— Да что вы знаете о человеке с “пустым рукавом”? У вас, как я вижу, обе руки целы. А вот мой брат вернулся без ног... Уж он-то хорошо знает — что лучше! — Передреев был немногословен, но его глаза гневно сверкали, лицо сильно побледнело. Сейчас я не могу вспомнить всего разговора, но хорошо помню взволнованный вид Передреева, его негодующий голос. Ведь находясь много лет бок о бок с так тяжело пострадавшим на войне братом, он собственными глазами видел, какова на самом деле повседневная жизнь человека без ног, как горькая действительность постоянно — ежедневно, ежечасно — давала о себе знать! И каково было вчерашнему мечтателю о геологических тропах, командиру бронепоезда монотонно стучать целый день молотком, вгоняя гвозди в чьи-то изношенные башмаки! Что чувствовал он, находясь в своей фанерной, пропахшей кожей будке, мимо которой текла вереница прохожих, равнодушных, в общем-то, и к безногому сапожнику, и к его зелёной будке (а сколько подобных примитивных сооружений можно было увидеть в послевоенные годы!).

Передреев не любил брать на себя роль судьи, выносить приговор, “частные определения”, впрямую произносить свои суждения. Его собственные

стихи о войне лишены каких-либо выводов, умозаключений, он, как художник, лишь создавал картину, стремясь пробудить определённые чувства, настроение и предоставляя возможность делать выводы самому читателю. Отсюда – и его обострённое восприятие, и резкая реакция на всякий, по его мнению, “ложный звук лиры”. Потом поэты, видимо, нашли общий язык, о чём свидетельствуют стихи Передреева “В Азербайджане” с посвящением: “Михаилу Луконину, руководителю Шекинской группы”. Но зачем Передреев уточнил “амплуа” Луконина? Ведь ранее его посвящения выглядели просто: “Владимиру Соколову”, “Александрю Яшину”, “В. Кожинув”. Наверное, он всё-таки не согласился с Лукониным и – вольно или невольно – признал его лишь как руководителя делегации в древний город Шеки.

В отличие от некогда известного поэта с его признанием: “что-то с памятью моей стало, всё, что было не со мной, помню”, Передреев хорошо помнил “всё, что было” с ним и вокруг него, помнил атмосферу военного времени, запахи воздуха и даже цвет различных предметов, помнил свои ощущения. Об этом он напишет в стихах “Воспоминания о старшем брате”, посвящённых брату Виктору, погибшему в 1941 году:

*Помню всё на цвет, на запах,
Помню, главное, на слух:
“Дан приказ ему на запад...”
Песня слышалась вокруг.*

Поэту и спустя много лет (стихи написаны в 1970 году) видятся “рук широкое объятие. Португепя. Пистолет” старшего брата, слышится скрип его сапог, помнится его единственное письмо:

*...Он успел из-под Львова,
Первым принявшим грозу,
Написать, послать два слова:
“Был в бою, стоим в лесу...”*

А затем – полное неведение о последних минутах брата, о его могиле:

*Не узнать мне, что с ним случилось
Во втором его бою,
Может, после не осталось
Даже леса в том краю...*

Восторженно оценил две последние строки один из знакомых Передрееву поэтов, а у поэтов, как известно, свой, особый взгляд на каждую строку стихотворения, особое видение её содержания. Так, этого поэта восхитила точность и яркость последних строк – бои велись столь ожесточённо, что могли ничего не оставить и от леса!

Подростком, учеником младших классов встретил войну будущий поэт. Находясь в Грозном, он пережил тот ожесточённый её период, когда гитлеровские полчища яростно рвались к кавказской нефти, город нещадно бомбили и вокруг “лихорадочно били зенитки”. Ночами, при налётах вражеских бомбардировщиков, приходилось прятаться в земляном укрытии. Вспоминая это время, поэт пишет:

*Я погружаюсь в темноту и глину,
В узлы пожитков,
Сваленных на дне...
Я обнимаю
Худенькую спину
Моей сестры,
Прижавшейся ко мне.*

(“Щель”)

На его глазах ночное небо безжалостно посылает на землю смерть, разруху, хаос, разрывая мир природы:

*Над нами мир
Раскромсанный и чёрный,
Провалы тишины сменяет гул...
И слышно —
В щель протискивает корни
Наш сад,
Забывший нами наверху...*

Даже сад хочет укрыться от ужаса войны. Тем, кому пришлось пережить вражеские бомбардировки, хорошо знакомы такие “провалы тишины”, кажущейся особенно глухой после зловещего рёва самолетных моторов, леденящего душу свиста артиллерийских снарядов и оглушительного грохота фугасных взрывов.

“Природа, потерявшая покой”, наряду с другими трудностями военного времени запечатлена поэтом и в стихах “Какие красивые дети”:

*А я пустыри вспоминаю
И старую лысую гору.
Горбушка горчащего хлеба...
Заросшего дзота бойницы...
На всё первобытное небо
Кричат беспризорные птицы...*

Эти кричащие, мечущиеся по небу птицы словно слетели с холста Василия Верещагина “Апофеоз войны” — живописного изображения зловещих последствий военных действий.

Свои впечатления о школьных годах поэт опишет затем в стихах, названных по первой строке:

*Я учился писать...
Мимо школы — колонны, колонны
Колыхались рекой
И впадали в невидимый фронт...
.....*

*Я учился писать...
Где-то плавилась танки,
Где-то люди кричали,
Умирая в огне и дыму...*

Завершающие строки поэт вновь посвящает матери, её неустанным заботам о сыне:

*Я учился писать,
И хрустящие хлебные карточки
От себя отрывала
По клеточке
Мать,
Чтоб меня не тошнило,
Чтоб меня не шатало за партою...
Я учился писать!..*

Но не только о себе говорит здесь поэт, но и вновь о войне — об атмосфере того времени, о тех условиях, в которых постигали азы грамоты совсем ещё юные школяры.

В этих стихах поэт сознательно прибегает к повторениям. Строка “Я учился писать” повторяется здесь — семь раз! И опять каждое повторение имеет своё звучание, свою интонацию. Повторения используются поэтом и в стихах “Памятники” — для усиления впечатления от множества жертв войны.

В своё время критик Лев Аннинский, одним из первых откликнувшийся на дебют поэта, заметил: “Главный приём у Передреева — повтор!” Критик при-

вёл несколько примеров такого “главного приёма” и, ссылаясь на один из них, пришёл к заключению: “Что делает эту фразу поэзией? Повтор!” Но, думается, дело не только в простом, “голом” повторе, как это следует из слов критика, а в том накале чувств, в том эмоциональном содержании, которыми проникнуты эти повторы. Что и делает их поэзией, а не наоборот.

Передреев никогда не пользовался какими-либо искусственными приёмами, его стихи всегда отличала естественность, искренность, “прелесть простоты”. “Главным приёмом” для него была только душа поэта. Он рассматривал поэзию, следуя Пушкину, как “союз звуков, чувств и дум”, что и видно из его стихов и его статей.

Поэт часто пользовался не только повторами, но и отточием – для создания паузы, предполагающей раздумья, размышление, более вдумчивое восприятие содержания строки. Пользовался поэт отточием и в тех случаях, когда не считал нужным высказывать свою мысль до конца, что давало возможность читателю додумать, дочувствовать стихотворение.

В одном из ранних стихотворений Передреев говорит о своём понимании сущности поэзии: “Любая боль услышится и песней изойдёт...” Эти слова можно рассматривать как своеобразный обет, данный им при первых шагах ещё только к подножию поэтического Олимпа. Собственные невзгоды не притупили в нём сострадания и сочувствия, под его пером “изошли песней” не только своя, но и чужая боль, чужие тревоги и беды, причинённые молохом войны.

*Калошами шаркая глухо
По жаркой сухой мостовой,
Забытая богом старуха
Идёт с допотопной сумой.
(“Старуха”)*

Калоши в жаркую сухую погоду – не только признак нищеты, но ещё и единственная приемлемая обувь для больных старческих, с трудом переставляемых (“шаркающих”) ног. Одетая в тяжёлую мужскую тужурку, безучастная к происходящему вокруг, она не замечает даже грохочущих рядом трамваев, не слышит визжащих тормозов едва не наехавшей на неё машины, “не спросит, почем эскимо” – не до покупки! Отрешённость, следы пережитого – во всём её облике, в одежде, в глазах:

*Усталые, как погорельцы,
У этой старухи глаза,
Как беженцы...
Словно старухе
Давнишней, привычной бедой
Глаза застилают разрухи
И пепел пожарищ и войн...*

Эти стихи были созданы поэтом в молодости. И разве не удивительно, что в таком возрасте он (высокий, статный, светловолосый красавец, “к тому же поэт” – пиши, казалось бы, о “прогулках при луне”) сумел с таким пониманием и так глубоко проникнуть в душу старой, уставшей от жизненных невзгод женщины, прочитать в её глазах её горестную участь и даже увидеть, во что она обута и одета.

Стихи “Старуха” написаны в 1961 году, а спустя десять лет поэт, возвращаясь к военной теме, наряду с “Воспоминаниями о старшем брате” и “Пехотой 41-го года”, вновь обращается к участи женщины, надломленной войной. Это – “Тётя Дуся, бедная солдатка, Дуська – голосистая вдова”. И если в стихах “Старуха” участь женщины читается во всём её облике, в “содержании глаз” (по А. Блоку), то здесь – в исполнении песни, её “томительном” звучании в вечерних сумерках, усиливающих чувство тоски, одиночества. Это звучание словно слышится в строках стихотворения:

*И взлетали голоса,
Как птицы,
И летели над годами бед...*

*И во тьме
Далёкие зарницы
Начинали вспыхивать в ответ!*

Стихи Передреева об убитых, не достигших ещё и двадцатилетнего (!) возраста братьях и безногом сапожнике, о материнском горе и своём, совпавшем с войной отрочестве, об убогой старушке и вдове-солдатке с её заунывной песней слагаются в подлинные свидетельства горя и страданий, принесённых войной на родную землю.

Передреев никогда не присваивал себе права говорить от имени группы людей, а тем более — всего народа, как это можно встретить в некоторых произведениях о минувшей войне, где “мы”, “нам” звучат без какого-либо оправдания, порою неестественно, неправдоподобно (а порою и нескромно), как, например, у известного поэта: “... нам нужна одна победа... мы за ценой не постоим”. Эти слова звучат от имени ни много ни мало, а целого десантного батальона. Но дело не только в обширности этого войскового подразделения, а и в том, что расхожие слова “мы за ценой не постоим” неуместны в устах отважных десантников, да ещё перед “огнём смертельным”; в таких случаях, по свидетельству Бориса Слуцкого, поступают обычно “с неболтливым сознанием долга, молча помня отчизну свою” (“Есть!”).

В стихах Передреева о войне к читателю обращается не какая-то группа людей, не условный “образ”, не загадочный символ, а живой, узнаваемый человек, живые люди, и каждый из них — со своей участью, своей тревогой, своей душевной болью. Поэт ничего не придумывал, он, верный завету “и виждь, и внемли”, видел каждого такого человека воочию, живьём. Этим разных людей перо поэта объединило общей бедой, общей душевной болью. Потому-то так естественны, так доходчивы и так проникновенны его стихи.

Как уже говорилось, поэт на протяжении всей жизни время от времени возвращался к военной теме. Так, в 1978 году он создаёт стихотворение “К истории войн”. Но это уже не собственные, “живые” впечатления, а размышления о войнах вообще, а точнее — о “кровавой сущности” всей истории Земли. Строфу за строфой в этом довольно большом по объёму стихотворении посвящает поэт памяти погибших в прошедших на земле войнах, начиная с глубокой древности.

*Мне душу б раздавило бремя
Всех жертв походов, боен, войн,
Но с ней — безжалостное время,
Закон диктующее свой.*

*И гибель предков достославных,
Чей клич: “О Русская земля!” —
Быть может, плачем Ярославны
Ещё лишь трогает меня.*

Но после нескольких, казалось бы, отстранённых признаний из глубины души поэта внезапно вырывается:

*Но двадцать,
Двадцать миллионов
Недавних... Памятных... Родных...*

Эти ужасающие цифры словно сковывают речь поэта, перехватывают дыхание, “жгут сердце”. **20 000 000**. Вспомним ещё раз картину Василия Верещагина (созданную в 1871 году) — там апофеоз войны представлен в виде холмика людских черепов. Так какой же высоты Монблан пришлось бы воздвигнуть художнику при изображении последствий минувшей войны?!

И даже предшествующие этим цифрам строфы с их кажущимся равнодушием оборачиваются в итоге общей, так же ужасающей своей обширностью картиной гибели людей в войнах прошлого.

Раздумья поэта о “кровавой сущности” всей истории родной страны и, в то же время, о её стойкости воплотились в стихах “К Отчизне”:

*Из века в век
тебя пытались сжечь
И растоптать...
Но силою неведомой
Свой лик сберечь сумела ты
и речь
И стон свой в песню обратить победную.*
.....

*С какою на земле ещё страной
Сравнить тебя и в доблести, и в горести?*

Как многие поэты, Передреев не был лишён дара предвидения:

*И гибли в поле сыновья твои...
Храм возводился, освещая поле то...
Но не спасли все Спасы-на-Крови
От крови той,
какая будет пролита...*

Не дай Бог, если его предвидения осуществляются.